

О БАЛАНСЕ И СЦЕНАРИЯХ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

© ДВОРКИН В.З., 2020

ДВОРКИН Владимир Зиновьевич, профессор, доктор технических наук, главный научный сотрудник Сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (Vldvorkin@gmail.com).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

Дворкин В.З. О балансе и сценариях ядерного сдерживания.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 55-62. DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62

DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62

УДК: 327.37→355.019.1

Статья поступила в редакцию 17.06.2020.

Сложившаяся за несколько десятилетий концепция взаимного ядерного сдерживания между СССР/Россией и США остается в действии и сохранится в обозримой перспективе. Общий баланс ядерного оружия и потенциалов сдерживания сторон сохраняется в условиях договорных отношений, однако может быть нарушен после окончания действия Договора СНВ-3 и отсутствия нового договора. Но и в этих условиях потенциал ядерного сдерживания России останется на таком уровне, который исключает всякую мотивацию нападения на нее.

Сценарии обмена ядерными ударами предусматривают нанесение ответного удара в течение ограниченного отрезка времени. Существующая и модернизируемая триада стратегических ядерных сил России в обозримой перспективе без участия декларируемых новейших систем вооружения типа "Посейдона" и "Буревестника" обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

Если эти новые системы будут представлять препятствия для успешных переговоров и подтолкнут гонку ядерных вооружений, целесообразно заморозить дальнейшую их разработку, сохранив конструкторский и производственный задел на случай непредвиденных изменений.

Ключевые слова: неприемлемый ущерб, потенциал ядерного сдерживания, договоры по СНВ, баланс потенциалов сдерживания, стратегические ядерные силы, новые вооружения.

Политика ядерного сдерживания декларируется всеми девятью ядерными государствами (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея) вне зависимости от времени создания ими ядерных вооружений различного типа, реально обладаемого потенциала ответных действий и реакции на ядерное нападение или агрессию с применением конвенциональных вооружений.

Вместе с тем родоначальниками этой политики со всеми определениями, теорией, принципами и формальными нормами были Советский Союз и США, отработавшие за несколько десятилетий на практике все особенности ее реализации в процессе договоров по контролю стратегических наступательных вооружений (СНВ). Попытки других ядерных государств использовать подобный опыт пока не получили развития. Поэтому альтернативные

возможности трансформации политики ядерного сдерживания ниже рассматриваются прежде всего по отношениям России и США.

НАКОПЛЕННЫЙ ОПЫТ

В условиях холодной войны и противостояния между СССР и США при относительном выравнивании ядерных потенциалов сторон, начиная с середины 60-х годов прошлого века, в качестве одной из главных задач формирования триады стратегических ядерных сил (СЯС) в СССР/России и США считалось и остается обеспечение гарантированного сдерживания. Это означало демонстрацию противнику такого потенциала ответного удара в случае его атаки, который способен подорвать жизнеспособность государства-агрессора на длительный период из-за колоссальных потерь населения и разрушения административно-промышленных центров.

По отношению к потенциалу ответного удара формировалось ранее и до настоящего времени представление о так называемом неприемлемом ущербе, начало которому было положено оценками Р. Макнамары и А. Сахарова. В соответствии с этими оценками такой ущерб мог быть обеспечен доставкой на территорию агрессора 400–500 ядерных боезарядов мегатонного класса сохранившимися средствами жертвы нападения.

История дискуссий по подобным оценкам, последовательно снижаемым, изложена во многих трудах [1; 2; 3; 4].

Вне зависимости от тенденции постепенного снижения уровня неприемлемого ущерба, в середине 70-х годов прошлого столетия исследователи пришли к окончательному пониманию того, что величина неприемлемого ущерба всегда будет неопределенной, поскольку зависит от исторических, экономических, социальных, психологических и других факторов, различных для всех государств, и предложили рассматривать в качестве задачи ядерного сдерживания примерный баланс потенциалов ответных ударов двух противостоящих ядерных государств – СССР и США.

Кроме того, в СССР считалось необходимым поддерживать примерный баланс сил в первом (разрушающем) и ответно-встречном ударах.

В условиях действия договорных ограничений между СССР и США, наряду с выполнением положений по сокращению СЯС до установленных уровней и вводу в боевой состав ядерной триады новых носителей и ракетных комплексов, в полной мере сохраняются требования к гарантированному ядерному сдерживанию, то есть к потенциалу ответного удара. На различных этапах и условиях договорных отношений, как показывают оценки, примерный баланс потенциалов ответных ударов сторон обеспечивается.

Как показали конкретные расчеты [5], при уровне стратегических вооружений, установленном Пражским договором (в СЯС сторон до 1550 боезарядов на 700 развернутых носителях), США могли бы планировать для разрушающего удара по российским стратегическим ядерным объектам около 900 боезарядов (80% МБР “Минитмен-3” и примерно 50% БРПЛ “Трайдент-2”). Из них для поражения находящихся на базах подводных ракетноносцев, аэродромов рассредоточения тяжелых бомбардировщиков и находящихся в стационарных укрытиях мобильных ракетных комплексов могут быть выделены до 100 боезарядов. Для поражения с приемлемой вероятностью всех шахтных пусковых установок необходимо планировать примерно 320–340 боезарядов. Следовательно, из 900 американских боезарядов разрушающего удара 460–480 боезарядов остаются для поражения мобильных ракетных комплексов на маршрутах боевого патрулирования. С учетом их высокой выживаемости в ответном ударе российских СЯС смогли бы участвовать выжившие мобильные и стационарные МБР РВСН и подводные ракетноносцы на боевом дежурстве в море. Как было показано ранее [5], общее количество боезарядов в ответном ударе составило бы 700–750 единиц. Подобный гипотетический сценарий делает полностью невозможным нанесение американского разрушающего удара без сокрушительного возмездия России.

Можно произвести аналогичные расчеты и для сценария, при котором будут осуществлены взаимные сокращения стратегических ядерных вооружений России и США до уровней 1000 боезарядов на 500 развернутых носителях. В этом случае для ответного удара российские СЯС использовали бы до 450 боезарядов, что также делает бессмысленным планирование безнаказанного американского разоружающего удара.

Необходимо подчеркнуть, что при сокращении СНВ России и США до уровня порядка 1000 боезарядов и рациональной структуре СЯС разоружающий удар вообще теряет всякий смысл, поскольку у стороны, подвергающейся нападению, остается больше ракет и боезарядов для ответного удара, чем у агрессора. Результаты оценки гипотетического сценария, при котором СЯС России нанесли бы разоружающий удар по стратегическим силам США, показывают, что как в условиях Пражского договора, так и при сокращении СНВ сторон на одну треть порядка 750 боезарядов в первом случае и 400 боезарядов во втором случае было бы доставлено на территорию России. Это свидетельствует о невозможности разоружающего удара и по США.

Таким образом, в условиях действия между Россией и США договорных отношений устойчивый стратегический баланс ядерного сдерживания обеспечивается в полной мере. При этом сокращение СНВ сторон до 1000 боезарядов на 500 развернутых носителях допускает для России значительную экономию затрат по сравнению с теми, которые необходимы для поддержания уровней вооружений, определенных Договором СНВ-3.

Очевидно, что следующий договор, как и ныне пока еще действующий, привел бы по существу к сокращению только ядерных сил США, поскольку Россия, начиная с Договора СНВ-1, затрачивает ресурсы на достижение договорных уровней только путем ввода новых стратегических систем взамен выводимых из боевого состава вооружений, выработавших эксплуатационный ресурс.

Все приведенные выше расчеты не учитывают возможности сторон по применению ответно-встречного удара, крайне рискованные решения по которому принимаются на основе информации от космических и наземных средств систем раннего предупреждения о ракетном ударе. Неприемлемость подобных рисков изложена ранее [6].

НОВЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В случае отсутствия договорных ограничений возможны как минимум два варианта развития ситуации. Первый – при отсутствии формальных ограничений на потолки стратегических вооружений стороны не станут стремиться к заметному наращиванию боезарядов и носителей, сосредоточившись в основном на совершенствовании отдельных образцов СНВ и разработке новых типов. Частичную замену подробной информации о состоянии СНВ, включая перемещения, вывод из боевого состава и ввод новых объектов, которая в условиях договорных отношений предоставлялась сторонами инспекциями и уведомлениями, могут обеспечить национальные космические средства разведки и мониторинга. Информацию в отношении ряда новых данных о процессах изменений СНВ США можно будет получать из открытых источников о проводимых разработках, испытаниях, финансировании и других действиях. В России многие подобные данные традиционно остаются закрытыми.

Тем не менее примерный баланс потенциалов ядерного сдерживания сохраняется. Второй вариант – США приступают к наращиванию своих СНВ, начиная с увеличения количества боезарядов на МБР “Минитмен-3” от одного до трех единиц и на БРПЛ “Трайдент-2” с четырех до восьми или до 12 единиц. Российские возможности в этом отношении существуют в ограниченных пределах. Баланс потенциалов ядерного сдерживания будет нарушен, однако, как показывают оценки, 300–350 боезарядов в СЯС России могут быть доставлены на территорию США в ответном ударе. Практически никакого влияния системы ПРО США или обсуждаемые периодически угрозы разоружающего удара высокоточными неядерными средствами на этот потенциал ответного удара не окажут.

Однако постоянное повторение непровержимых результатов многочисленных расчетов независимых экспертов, свидетельствующих о невозможности создания системы ПРО для защиты территории США и России от массированного ракетного удара, и о том, что относительно плотной может быть противоракетная защита только от одиночных или нескольких атакующих ракет, так же, как и невозможность разоружающих ударов с применением неядерных высокоточных средств не препятствует политикам различного ранга периодически запугивать общественность воображаемой катастрофой. Все это способно привести к реальному возобновлению гонки ядерных вооружений со всеми крайне негативными последствиями для режима нераспространения ядерного оружия, его главной опоры – ДНЯО, для международной безопасности в целом.

Вместе с тем избежать развития событий по второму варианту можно было бы на начальном этапе при продлении Договора СНВ-3 на пять лет и в обозримой перспективе при заключении нового договора. Однако если абсурдная политика президента Д. Трампа и его администрации в сфере международной безопасности еще оставляет шансы продления Договора СНВ-3, то требования включить в новый договор КНР при их сохранении полностью исключают возможность новых соглашений по контролю над СНВ.

Изменения сложившейся обстановки могли бы произойти при смене администрации США. В расчете на подобные изменения можно рассматривать условия согласования новых договоренностей по ограничению СНВ, приводимые ниже.

НОВЫЕ ВООРУЖЕНИЯ РОССИИ. ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ПРИМЕНЕНИЯ СНВ

Из всех периодически декларируемых президентом В. Путиным новых образцов вооружений к стратегическим ядерным типам можно отнести МБР “Сармат”, ракетный комплекс “Авангард” с планирующим крылатым блоком, супер-торпеду (или атомный дрон) “Посейдон” и крылатую ракету неограниченной дальности полета “Буревестник” с ядерной энергетической установкой (ЯЭУ).

Первые два образца вполне вписываются в действующий Договор СНВ-3. МБР “Сармат” предназначены для замены в шахтных пусковых установках МБР “Воевода”, находящихся в боевом составе РСН, комплекс “Авангард”, в котором в качестве разгонного блока планирующего крылатого блока используется МБР УР-100Н УТТХ, также размещается в шахтных пусковых установках МБР “Воевода”. Подтверждением того, что США и Россия согласовали включение “Авангарда” в рамки Договора СНВ-3, служит происшедший непосредственный осмотр на боевой позиции этого комплекса американскими инспекторами в соответствии с договорными процедурами.

Таким образом, ракетные комплексы “Сармат” и “Авангард” формально не препятствуют продлению Договора СНВ-3, как и переговорам по новому договору.

Другое дело – комплексы “Посейдон” и “Буревестник”. Их испытания находятся в начальной стадии и сроки возможного принятия на вооружение, скорее всего, будут за пределами времени действия продленного Договора СНВ-3. Но включение их в гипотетически возможный новый договор представляет крайне сложную проблему.

Договоры по СНВ предусматривали до настоящего времени одинаковые количественные потолки боезарядов и их носителей в ядерных триадах, состоящих из наземных МБР, морских БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков с бомбами и крылатыми ракетами. При этом структура триады каждой стороны по соотношению наземных, морских и авиационных систем всегда была различной. Включение российских комплексов “Посейдон” и “Буревестник” в следующий договор по СНВ гипотетически возможно при условии существования в США подобных систем или каких-либо других новых образцов, подлежащих контролю и не нарушающих общий баланс потенциалов сдерживания. На сегодняшний день достичь решения этой проблемы исключительно сложно, если вообще возможно.

Если для российского руководства важно заключить новый договор по СНВ с американцами, то целесообразно оценить вклад комплексов "Посейдон" и "Буревестник" в потенциал ядерного сдерживания с учетом того, что существующая и модернизируемая триада СЯС России в обозримой перспективе и без этих новейших комплексов обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание, на которое не способно повлиять ПРО и высокоточное неядерное оружие США.

Планами предусмотрено развернуть 32 суперторпеды "Посейдон" на четырех атомных подлодках типа "Белгород", одна из которых уже спущена на воду в Северодвинске в присутствии В. Путина. Идет сборка суперторпеды. Есть различные оценки ее возможностей с учетом диапазона скорости и глубины движения, набора американских антиторпед, систем обнаружения и других характеристик [7]. Наиболее развернутые оценки представлены в статье А. Тимохина «Атомный дрон "Посейдон": бесполезное сверхоружие» [8].

В качестве различных задач "Посейдона" с ядерным и обычным оснащением экспертами рассматривается возможность поражения американских авианосцев, двух военно-морских баз, где дислоцируются подводные ракетоносцы, прибрежной инфраструктуры и других ключевых объектов.

Подобные задачи требуют ответа на центральный вопрос: для каких сценариев обычной или ядерной войны возможно применение "Посейдона"? Если речь идет о широкомасштабной войне обычным оружием, то какая сторона первой способна ее начать – Россия или США? Очевидно, что ни та, ни другая: если агрессором выступят США, то в соответствии с Военной доктриной России они получат в ответ ядерный удар, а для России начинать такую войну – самоубийственное безумие.

Взаимное ядерное сдерживание базируется, как известно, на демонстрации потенциала гарантированного ответного удара как в условиях договорных отношений, так и при их отсутствии. Возможности удара возмездия при массированном ядерном нападении иллюстрируются выше оценками в разделе "Накопленный опыт". В отличие от таких сценариев периодически рассматриваются возможные варианты использования ограниченных ударов в целях деэскалации неядерного военного конфликта с применением нестратегического ядерного оружия (см., например, "Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности", утвержденной в 2017 г. [9]). Кроме того, что такая "ядерная деэскалация" противоречит условиям применения ядерного оружия, изложенным в Военной доктрине России, существует достаточно устойчивое убеждение, что ограниченный обмен ядерными ударами незамедлительно трансформируется в массированный. Правда, для сдерживания подобной деэскалации американцы оснастили несколько БРПЛ "Трайдент-2" ядерными зарядами малой мощности.

Теперь можно задать вопрос о месте "Посейдона" со сверхмощным ядерным оснащением в этих сценариях и целесообразности его применения. Ответный удар планируют нанести в течение ограниченного отрезка времени после завершения первого удара агрессора. Как отмечено выше, существующая и модернизируемая триада СЯС России в обозримой перспективе и без участия "Посейдона" обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

Тогда какова же цель его разработки, кроме демонстрации того, что Россия еще способна реанимировать давнюю идею академика А. Сахарова на новой технологической основе, с применением малогабаритных ЯЭУ, с новыми материалами? Одно из объяснений может состоять в том, что в некоторой перспективе американцы совершат колоссальный скачок в разработке и развертывании сплошной космической, воздушной, морской и наземной ПРО, реанимируя на новой технологической базе программу "Звездных войн", смогут надежно поражать не только российские стационарные, но и мобильные МБР, подводные ракетоносцы и тяжелые бомбардировщики. Тогда "Посейдон" станет последней системой ядерного сдерживания (если американцы не изобретут защиту от него). Однако такое развитие событий представляется крайне маловероятным. Если же "Посейдон" будет представлять серьезное препятствие для весьма желательных переговоров по новому договору СНВ и подтолкнет гонку ядерных вооружений, может быть целесообразно

заморозить дальнейшую его разработку и строительство подлодок типа “Белгород”, сохранив конструкторский и производственный задел на всякий случай.

Кроме сохранения средств, целесообразно также учитывать исторический опыт попыток создания новых систем без учета ответных действий оппонента. Например, во второй половине 1970-х годов стали разрабатывать орбитальные противоспутниковые станции “Каскад” и “Скиф” с ракетным и лазерным оружием. В 1985–1986 гг. предполагалось провести их испытания, однако от этого отказались не столько по технологическим и финансовым причинам, сколько по военно-политическим. Специалисты смогли убедить советское руководство в том, что вывод на орбиты и испытания подобных боевых космических систем вызовет такой мощный и непропорциональный ответ США в области боевого космоса, который станет крайне невыгоден СССР. Трудно прогнозировать, что американцы с их ресурсами способны создать в ответ на “Посейдоны”, но лучше не создавать для этого предпосылки.

Точно также ни в каком реальном сценарии никакого вклада в потенциал ядерного сдерживания России, обеспечиваемый имеющейся триадой СЯС, крылатая ракета “Буревестник” внести не сможет. При этом следует учитывать, что вероятность успешного полета крылатых ракет с гораздо меньшей продолжительностью движения заметно ниже по сравнению с образцами оружия в СЯС. Более ценным может быть опыт создания малогабаритных ядерных силовых установок в невоенных сферах.

* * *

Основные выводы предлагаемой статьи состоят в следующем.

1. В действующей до настоящего времени системе договорных отношений по контролю стратегических наступательных вооружений между Россией и США баланс ядерного сдерживания, то есть взаимная способность осуществить сопоставимый по эффективности ответный удар, сохраняется. Однако этот баланс может быть нарушен после окончания действия Договора СНВ-3 и отсутствия нового договора. Но и в этих условиях потенциал ядерного сдерживания России, как показывают приведенные результаты расчетов, останется на таком уровне, который исключает всякую мотивацию нападения на нее. Практически никакого влияния систем ПРО США или обсуждаемые периодически угрозы разоружающего удара высокоточными неядерными средствами на этот потенциал ответного удара не окажут.

2. При отсутствии договорных отношений, то есть формальных ограничений на потолки стратегических вооружений, вероятны варианты как без заметного наращивания сторонами боезарядов и носителей, ограничиваемые в основном совершенствованием отдельных образцов СНВ и разработкой новых типов, так и наращивание США своих СНВ, например, за счет увеличения количества боезарядов на МБР и на БРПЛ. Российские возможности в этом отношении существуют в ограниченных пределах. В подобном случае возникнут реальная угроза возобновления гонки ядерных вооружений и проблема устойчивости всего режима ядерного нераспространения.

3. Возможность избежать развития событий по угрожающему сценарию существует на начальном этапе при продлении Договора СНВ-3 на пять лет и в обозримой перспективе при заключении нового договора.

Однако при нынешней администрации США вероятность такого развития событий крайне низка. Варианты условий очередных договоренностей по ограничению СНВ целесообразно рассматривать на перспективу, для их обсуждения при возможной смене американского руководства.

4. Сценарии обмена ядерными ударами предусматривают нанесение ответного удара в течение ограниченного отрезка времени после завершения первого удара агрессора. Существующая и модернизируемая триада стратегических ядерных сил России в обозримой перспективе без участия декларируемых новейших систем вооружения типа “Посейдона” и “Буревестника” обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

5. Новые российские ракетные комплексы “Сармат” и “Авангард” формально не препятствуют продлению Договора СНВ-3, как и переговорам по новому договору. Однако включение комплексов “Посейдон” и “Буревестник” в гипотетически возможный новый договор проблематично. Кроме того, эти комплексы не вписываются в вероятные сценарии обмена ядерными ударами и в этом отношении представляются бесполезными.

Если эти новые системы будут препятствовать успеху переговоров по новому договору СНВ и подтолкнут гонку ядерных вооружений, целесообразно заморозить их дальнейшую разработку, сохранив конструкторский и производственный задел на случай непредвиденных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дворкин В., Торбин В. О реальной достаточности обороны. *Московские новости*, 21.06.1989. [Dvorkin V., Torbin V. O real' noi dostatochnosti oborony [On the Real Sufficiency of Defense]. *Moskovskie novosti*, 21.06.1989].
2. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2. *Независимое военное обозрение*, 1997, № 3. [Dvorkin V.Z. Yadernoe sderzhivanie i Dogovor SNV-2 [Nuclear Deterrence and the START-2 Treaty]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 1997, no. 3.]
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобичев С.К., ред. *Россия и дилеммы ядерного разоружения*. Москва, ИМЭМО РАН, 2012. 290 с. [Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K., eds. *Rossiya i dilemmu yadernogo razoruzheniya* [Russia and the Dilemmas of Nuclear Disarmament]. Moscow, IMEMO RAN, 2012. 290 p.]
4. Буренок В., Печатнов Ю. Неприемлемый ущерб. *Независимое военное обозрение*, 08.02.2013. [Burenok V., Pechatnov Yu. Nepriemlemyi usherb [Unacceptable damage]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 08.02.2013].
5. Дворкин В.З. Россия и США: перспективы сокращения ядерных вооружений. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 4, сс. 24-30. [Dvorkin V.Z. Rossiya i SShA: perspektivy sokrashcheniya yadernykh vooruzhenii [Russia and the United States: Prospects for Reducing Nuclear Weapons]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, no. 4, pp. 24-30].
6. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: концепции и риски. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 12, сс. 50-55. [Dvorkin V.Z. Yadernoe sderzhivanie: kontseptsii i riski [Nuclear Deterrence: Concepts and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 50-55]. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-50-55
7. Закваскин А. “Перехват практически невозможен”: какие преимущества получит ВМФ России с появлением “Посейдона”. *Russia Today*, 23.04.2019. [Zakvaskin A. “Perekhvat prakticheski nevozmozhen”: kakie preimushchestva poluchit VMF Rossii s poyavleniem “Poseidona” [“Interception Is Almost Impossible”: What Advantages Will the Russian Navy Get with the Appearance of “Poseidon”]. *Russia Today*, 23.04.2019]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/624281-poseidon-podlodka-yadernoe-oruzhie> (accessed 15.06.20).
8. Тимохин А. Атомный дрон “Посейдон”: бесполезное сверхоружие. *Военное обозрение*, 16.01.2019. [Timokhin A. Atomnyi dron “Poseidon”: bespoleznoe sverkhорuzhie [“Poseidon” Nuclear Drone: Useless Super Weapon]. *Voennoe obozrenie*, 16.01.2019]. Available at: <https://topwar.ru/152577-poseidon-bespoleznoe-sverhoruzhie-atomnyj-dron-ne-tak-uzh-i-polezen-dlja-strany.html> (accessed 15.06.20).
9. Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 “Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года” [Decree of the President of the Russian Federation Dated July 20, 2017 No. 327 “On Approving the Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Naval Activities for the Period up to 2030” (In Russ.)] Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/> (accessed 15.06.2020).

ON NUCLEAR DETERRENCE BALANCE AND SCENARIOS
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 55-62)

Received 17.06.2020.

Vladimir Z. DVORKIN (Vldvorkin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Scientific Foundation No. 18-18-00463.

The concept of mutual nuclear deterrence between the United States and the Soviet Union/Russia, which accompanied and outlasted the Cold War, is likely to remain in place in the foreseeable future. Up until now, the two states have been able to maintain the balance in their deterrence capabilities through a series of bilateral agreements; however, this balance can easily become upset if the New START Treaty expires and no follow-on agreement is reached. It can either cause the United States and Russia to focus on developing new types of strategic nuclear weapons and making qualitative improvements in the existing weapons systems instead of furiously building up their nuclear arsenals, or result in the United States increasing the number of its strategic nuclear weapons (for example, through multiplying warheads on their ICBMs and SLBMs). At the same time, Russian nuclear deterrence capabilities, according to the estimation results, will remain at the level that would rule out any incentives to launch a first strike against it.

The US anti-ballistic missile systems and high-precision conventional weapons would have little to no impact on Russia's second-strike nuclear capability. However, they will have the potential to set off a new nuclear arms race and destabilize the entire international nuclear nonproliferation regime. It might be possible to avoid the worst-case scenario by extending the New START Treaty and starting negotiations on a follow-on treaty in the near future; however, while US President Donald Trump and his administration's international security policy leaves open some possibility for New START extension and negotiations of new strategic arms control agreements, their persistent demands to include China in the talks to replace New START effectively nips this possibility in the bud.

The current situation might evolve as a result of a change in the US administration. In such case, various conditions for strategic arms control negotiations could be considered.

The emergence of Russian missile systems Sarmat and Avangard does not technically serve as a limiting factor for the extension of the New START, as well as for negotiations on a follow-on treaty. On the other hand, the inclusion of Poseidon and Burevestnik systems in a new arms control treaty shall present a daunting challenge.

Scenarios for a nuclear exchange are based on the idea that a retaliatory strike is launched within a very short time after the first strike is carried out by an aggressor. The Russian triad of strategic nuclear forces, the way it exists now and after its modernization, is and will be able to provide assured nuclear deterrence against the United States without the help of new weapons systems such as Poseidon and Burevestnik. These weapon systems do not fit into plausible nuclear exchange scenarios, and therefore provide no valuable contribution to them.

If these new systems present obstacles to the successful negotiation of a follow-on START treaty and create a risk of a nuclear arms race, it will be appropriate to freeze their further development, while also maintaining the groundwork that has been laid for their research and production for contingency reasons.

Keywords: unacceptable damage, nuclear deterrence potential, Strategic Arms Reduction Treaties, balance of deterrent capabilities, strategic nuclear forces, new weapons.

About the author:

Vladimir Z. DVORKIN, Professor, Doct. Sci. (Technology), Principal Researcher, Sector of Military-Political Analysis and Research Projects, Center of International Security.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62